

“Криниця для спраглих”

СТЕНОГРАМА

засідання Художньої Ради Кіностудії ім.О.П.Довженка,
29 січня 1966 року.

*Присутні - члени художньої Ради: Цвіркунов В.В., Баш Я.В.,
Зельдович Г.Б., Денисенко В.Г., Чорний М.К., Агранов В.Й.,
Шахбазян С.И., Лисенко Ю.С., Грис Я., Іванов В.М.*

*Запрошені т.т. - Параджанов С.Й., Драч І.Ф., Ридванова В.П.,
Сосюра В.В., Павличко Д.В., Ілляшенко В.В., Народицький А.А.,
Верещак В.А., Тимонишин А.Г., Ільїнський М., Костенко Л., Король
Р.С., Чумакова Л.П., Горський А.В., Довгань В.*

Головує - тов. Цвіркунов В.В.

“Захист цієї роботи
буде захистом
наших принципів”

ПОРЯДОК ДЕННИЙ:

В.ДЕНИСЕНКО: У мене склалося
якесь подвійне враження від кар-
тини. Безумовно, вона зроблена
плодовитими людьми. Взагалі, я не
можу знайти слів. Страшенно все
раціоналістично побудовано. Кож-
ний образ, кожна фігура іде від еди-
ного раціонального начала і тому
дещо здається занадто довгим.

С.ПАРАДЖАНОВ: Я розумію,
почему нам сьогодні так складно ви-
ступати. Потому що перед нами на-
стоящая кинематографія, киноязык
сучасний, кино-притча.

Если бы нас просили показати
образ, я бы показал киноленту сце-
нариста Драча и режисера Ильенко.
Надо сказать, что это большое
новое явление в киностудии, кото-
рая носит имя Довженко. Если го-
ворить о традиции студии, установ-
ленной Александром Петровичем
Довженко, то надо было бы дебют
режиссера Юрия Ильенко особен-
но отметить, потому что это пер-
вый за 15 лет дебют режиссера в
таком плане, который увенчался
большой удачей.

Характер, эмоциональность это-
го фильма действительно сложно
понять с первого раза. Я картину
вообще смотрю сегодня уже в тре-
тий раз. Может быть, я сегодня
ощутил еще раз, какие сложные мо-
менты в ней есть. Это притча. По-
этический язык, которым владеет
Юрий Ильенко, он сложен, эмоци-
онален и поэтому не вполне поня-
тен, не вполне удовлетворяет не-
которых зрителей. Но я думаю, что

Перегляд та обговорення фільму

“Криниця для спраглих” на двох плівках.

не это главное, не это стоит на по-
вестке дня у режиссера.

Мне думается, что в моей лич-
ной биографии это один из кино-
шедевров, который мне удалось
увидеть. И я искренне благодарен
тов. Драчу и всей группе за то, что
дожил до такого дня. Мы, правда,
даже несколько растеряны и понят-
но, что не можем так сразу, “с кон-
дачка” говорить об этой ленте.

Я недавно выступал при обсуж-
дении “Бабьего яра” и провалил по-
чти все проекты. Но я думаю, что к
Юрию Ильенко можно тоже предья-
вить некоторые претензии в отно-
шении отдельных эпизодов (“Сын”,
“Эпилог”, “Война”). В какой-то сте-
пени в эпизоде с памятником. Но
есть эпизоды, которые классичес-
ки завершены. Может быть, Иль-
енко надо более поэтически стал-
кивать кадры. Потому что, скажем,
дед у колодца и пролетающий са-
молет должны толковаться как фи-
лософская склейка. И бодающий
Ларису в живот козел, и следую-
щий кадр стоят в некоторой непос-
ледовательности. И надо продумать
некоторые вещи, чтобы сделать
классическую склейку.

Что еще необходимо и над чем
надо работать, к чему стремиться?

Действительно, кинематографи-
ческий мир делится на два мира.
Мы имеем пьесы экранизирован-
ные, где говорится: кто, куда, за-
чем? И можно сделать большие ки-
нематографические полотна. И
здесь проявляется как раз изобра-

зительная культура Ильенко, его
культура гражданская, его познание
как художника, его любовь к поэзии,
к изучению того полотна, которым
он занялся. Потому что ведь Иль-
енко впервые дебютирует как ре-
жиссер на сложном материале
села. Он вбирает в образ сложную
графику. Украинские графики, мо-
жет быть, не дошли еще до такого
обобщения, которое делает Ильен-
ко. Может быть, это традиция боль-
ших графиков: Конороско, Де-Гри-
вьера.

Песенный материал, музыкаль-
ный фольклор и музыкальное офор-
мление. Порой мне кажется, что на-
циональный материал идет не-
сколько вразнобой с формальными
приемами шумовых окрасок. Здесь
есть некоторый перебор за счет эс-
стетических вещей. Так что само
естество этих вещей именно пока-
зано сильно. Сегодня уже прослу-
шивался крик петуха, крик детей,
стонущий дед. Вот это как прооб-
раз, как образ сына (возле колод-
ца). Разговор идет о ювелирной
обработке. Это касается Нины Ива-
новны Авраменко, которая велико-
лепно знает, как это надо делать.

Действительно, может быть, у
нас на студии будет какой-то раз-
дел, чтобы поэтическая кинемато-
графия, которую я с первых дней
пребывания на этой студии искал
и нашел в темах фильма “Иваново
детство”, развивалась дальше. Все
наследие Довженко, современная
поэзия украинских поэтов - Костен-

ко, Драча - все имеет отношение к этому фильму.

И, наконец, этот язык - еще непривычный для нас. За 12 лет своей работы я не видел еще ничего подобного здесь на студии, и приятно видеть сегодня, что "киноматкой" является киностудия Довженко, потому что она действительно обратилась к народному фольклору, к народному типу в поэзии, в кино. Колодец, три раза повторяется передача: мальчик, три солдата. Вот это фресковое движение идущих в бесконечность. Тут великолепное решение. И если бы Ильенко смог несколько раз повторить такой прием, то не за счет фотографий. Поток лошадей сделан настолько реально в этой фактуре, что уже не надо фотографий в рубке леса. И наиболее эмоциональный - этот самолет, который дает наиболее пластическое решение. Я бы предложил оставить как фотографию только самолет.

И, конечно, я в полном восторге от образа, созданного актером Милютенко. И нравится мне очень Кадочникова. Вообще, все очень хорошо дается в фильме по типу, хорошо по фактуре. А главное, что у нас появляется поэтическое кино.

Мы до сих пор упорно делали определенного вида кинематограф и любые проявления нового жанра уже вызвали недопонимание, - накупив на наших мозгах не признавала, не выдерживала этого. И я представляю себе, как Довженко сложно было продвигать свой метод, когда он впервые появился, когда был новым.

Так что тут проявились новые свойства художника. И это можно приветствовать. Мы ведь признаем, что Осыка сделал великолепный отход, и нашли, что это было правомочно. Может быть, действительно у нас появятся индивидуальные мотивы, появится что-то новое, чего ждет государство, а наше государство очень заинтересовано иметь успехи на внутреннем, а также на международном рынке.

Когда я сегодня посмотрел эту картину в третий раз, она мне стала очень дорога и трепетна, потому что в этой картине я ощутил именно притчу, поэзию. И Драч, как никогда и нигде, представляется в этой ленте, в каждом кадре, в каждом портрете, каждой склейке именно как человек-философ, как человек, прекрасно знающий язык.

Действительно, нам трудно еще выступать, но нам надо знать, что произошло в биографии Юрия Ильенко сегодня. Нам надо знать, что произошло на экране. На экране появился настоящий киношедевр.

Мне кажется, что ему, как бы сказать, не хватает всего каких-либо двух дней до подлинно гениальной формы, чтобы сделать еще более удобоваримым представленный материал, но, конечно, не нарушать классику.

И первое, что необходимо сделать в данном случае друзьям Юрия Ильенко и всем людям, работающим на нашей студии, это понять, что у нас есть режиссер с точным видением того, что он хочет делать, режиссер-мужчина, со своим твердыми, окончательным мнением.

Поэтому сегодня я хочу поздравить весь коллектив, с которым работал тов.Ю.Ильенко, поздравить самого Юрия Ильенко с такой победой, с таким большим достижением в работе.

В.АГРАНОВ: Товарищи, Параджанов всегда очень умно выступает. Но все равно, в итоге у меня осталось такое ощущение, что одно из двух: или меня надо отправить на пенсию, или надо забрать у него пропуск и не пускать его на студию. Я посмотрел картину несомненно талантливого человека и подумал: после этой картины, хочу ли я дальше жить, дальше работать? То есть, меня эта картина абсолютно убила. Причем, в поэзии она, может быть, не доходит в таких тонких нюансах, как это понимает Параджанов и многие другие. Но ведь Параджанов сказал, что сегодня он смотрел картину в третий раз и тогда только выделил самое главное в ней. И тут же дальше он говорит, что киноискусство - это искусство государства.

Но ведь эта картина делается для зрителя. И вот, посмотрим с этой точки зрения. Посадите зрителя в кинотеатре до конца этой ленты - и с какими же эмоциями, с каким чувством он уйдет после такой картины? Мне кажется, что это сделано совершенным эгоистом. Это сделано, несомненно, режиссером талантливым, но таким человеком, который не любит людей. Мне кажется, что с киноэкрана всегда должна идти гуманность. А в данном случае у меня создается впечатление, что это сделано человеком, который пренебрежительно относится к окружающему его человечеству.

В.ДЕНИСЕНКО: Я хочу заперечить товарищу Агранову, тому, что я, например, зараз не хочу визначати світову вартість цієї картини, але я хочу розібратись, чи готовий цей фільм до кінця. Мені здається, що він подекуди ще не досить ритмічний, недороблений і там є певні прогалини для глядача. Але ці недоліки зовсім не означають, що це

антигуманний, антиоптимістичний фільм. Що це фільм, зроблений егоїстом і т.п. Навпаки, це фільм надзвичайно гуманний, він зроблений з позицій надзвичайної любові до людини. Ви тільки подивіться, як тут розказано про людину! Як тут розказано про цілий народ, про цілу Україну, про багатостраждальний і героїчний український народ.

Автор абсолютно точно відтворює село сьогоднішнє, село з його важким воєнним і післявоєнним періодом. Це ж правда. Хоч сказано про це мовою художника не натуралістично. Це - притча.

Я.БАШ: Мені здається, що це явище в нашій кінематографії є абсолютно новим після О.П.Довженка. Адже тут відчувається начебто дух раннього Довженка. І мені здається, що нічого поганого в цьому немає. В цьому фільмі є дуже багато звичайного, а дещо занадто розтягнене, але є дуже багато незвичайного. І саме це незвичайне мене глибоко вразило. І з самого початку мені дуже подобається саме цей філософський задум автора, сама назва фільму "Криниця для спраглих".

Я побачив тут дуже багато нового. Я вже не кажу про гру покійного нині Милютенка, який, справді, зробив собі пам'ятник, наче він справді відчував, що це буде його лебедина пісня. Але ж це вийшов справді шедевр кінематографії. Знайти художникові, наприклад, отаких тіток, щоб так зіграли, як не може ніколи зіграти актриса, з такою безпосередністю! І все ж, картина ця дійсно дуже складна для сприйняття. Це безперечно. Але ж спробуємо цей дуже великий пошук дати перевірити на глядачеві. Я кажу щиро, мені як художнику здається, що й сам Іван Федорович, і режисер, ідучи весь час міцно по землі, десь у символіці своїй трохи відірвалися від землі, по якій вони ідуть. І не все відразу можна збагнути. Наприклад, перехід від видіння до реальності, особливо, коли Левкові уявляється весь час його померла дружина в образі молодої. Тут є переходи не чіткі.

В.ІЛЛЯШЕНКО: Мне кажется, что критерий, с которым мы подходим к оценке картины Ильенко и Драча, неточный, потому что тут есть законы, которые создали сами художники в своей работе, и надо оценивать работу художников с таких позиций: удалась эта работа или не удалась?

А говорить о том - понимает ли такую картину зритель или нет, это еще недостаточный критерий оценки художественного произведения. Потому что в таком случае мы дол-

жны отрицать и "Балладу о солдате", которая появилась в прокате очень ненадолго. И если выйдет картина "Восемь с половиной", которая ведь тоже когда-то появится в кинопрокате, тоже будут такие же суждения. А куда же девать Шестаковича, которого понимают не все?

Это вообще какой-то рок для нашей студии. Потому что вот и сегодня мы начинаем говорить, что эта картина сделана с пренебрежением к народу, к зрителю, что эту картину делали "эгоисты", "пижоны" и т.п. Нельзя же так говорить и надо помнить, что есть более современные законы эстетики, воспитания, убежденнее, чем если просто наметить пейзаж и положить под него песенку и говорить, что вот, это будет эмоция! Это как раз ложная эмоция.

Что же касается этой картины, я бы не сказал, что это картина только одного Ильенко, как нельзя сказать, что "Уходящая в море" - картина только одного Осыки. Там Белик у Осыки, а здесь Драч у Ильенко. Это картина Драча и Ильенко и я ее воспринимаю от начала до конца так, что это самая эмоциональная картина.

М. ИЛЫНСЬКИЙ: Картина эта действительно удивительно хорошая. В ней так много рассыпано красоты, что неделями не соберешь всего этого. И я после этого просмотра тоже не могу сразу всего охватить. Но красота этой картины воспринимается очень сильно и видно по нашему заседанию, что картина взволновала товарищей. Но в то же время надо сказать, что картина эта очень беззащитна, потому что если подходить к ней с какими-то другими критериями, то ведь могут раздаваться голоса: а что же вы увидели в современном селе? А не кажется ли вам, что в этой картине как-то немного холодно, точно в склепе?

Надо сказать, что этот фильм сделан как примитив, который достигает высокого совершенства, и поскольку он сделан на контрастах, во всяком случае, я вижу, что авторы картины были опьянены любовью к этому, долгое время авторы старались найти совершенство игры, обтачивали эту картину, и в самой этой правде, в достоверности есть много философии. Она необычайная, эта картина, она новая.

Но надо позаботиться об этой картине, если смотреть под другим углом зрения, возможно, надо будет ее крепко защищать, потому что ведь это же поиски, которые становятся принципом нашей рабо-

ты. И в данном случае защита этой работы будет и защитой наших принципов.

Ю.ЛИСЕНКО: Картина эта более ассоциативная, чем интеллектуальная. Она вообще приводит человека в определенное настроение, тревожит душу и если авторы это настроение считают нормальным, то тогда они достигли своей цели. Хотя мне бы хотелось, чтобы эта картина была ближе к сердцу.

Тут т.Агранов очень хорошо сказал, что картина где-то в чем-то холодновата. Как бы, Сергей, вы не говорили, что это авторский, режиссерский почерк, но дело в том, что мы своим почерком должны как можно больше тронуть людей. И хотелось бы, чтобы эта картина намного больше трогала, чем она в действительности сейчас трогает.

Она во многом повторяет картину "Тени забытых предков". Вся звуковая часть напоминает ту картину, и это мешает. И в этом нет никакой нужды, потому что эти бесконечные причитания, бесконечная грустная напевность на всем протяжении и печаль создают именно настроение какого-то гробового тонука.

Д.ПАВЛИЧКО: Шановні товариші! У мене яснє душа не тільки від того, що ми побачили на екрані, а й від того, як тут у нас добре іде розмова на Художній раді.

Проте, коли ви кажете про антигуманізм, про плутану філософську доктрину твору, неправильні твердження, то скажіть, де саме вони, в чому заплутались, і що конкретно є антигуманного?

Думаю, що такі речі треба добре обмірковувати і добре знати в чому саме такі недоліки, якщо кидати такі звинувачення.

Я хочу сказати, що це дійсно кінофільм великих майстрів. Це фільм прекрасний. Фільм, яким студія Довженка буде пишатися згодом.

Цей твір ми не зможемо відразу віднести до всесвітнього, всеукраїнського чи всесоюзного масштабу. Але, безумовно, в ньому є те зерно, яке буде рости, як раціональне зерно в кожному великому, визначному художньому творі. Але це не пошуки лише юридичної правди, фактів матеріальних. Тут хотіли в якійсь мірі схопити суть. Істину селянського життя. Людського життя, людського буття в усій його складності. Я вважаю, що даремно ми бідкаємось над тим, що люди виходять з кінотеатру, дивлячись картину "Тіні забутих предків". Або візьміть фільм "Вісім з половиною". Або "Червона пустеля", або "Нюрнберзький процес". Коли так підхо-

дити до мистецтва, то ми ніколи не зробимо видатної картини, ніколи взагалі не зробимо жодного кроку вперед.

Я розглядаю цей фільм як явище принципове, нове явище в художньому баченні. Це істинно нове слово і я радий цьому.

А.НАРОДИЦЬКИЙ: Во-первых, хочу сказать, что я очень тронут тем подвигом, который совершили авторы этого кинофильма.

И вместе с тем, было бы неверным, если бы мы ограничились сегодня только одними восхвалениями и не сказали о каких-то своих ощущениях, которые у нас возникли при просмотре кинофильма, о мыслях, которые нас смущают.

Где-то я почувствовал, что это какой-то сильный реквием по чему-то уходящему из жизни, что не должно уходить, и кажется, что это явится непреодолимым препятствием. А надо это препятствие преодолеть, чтобы не оставалось такого впечатления, что вот этот Левко несет свой крест, затем его смерть и получается, что он упал в конце концов под этой тяжестью и я не почувствовал оптимистического начала в должной степени.

ГОЛОВУЮЧИЙ: Вы говорите о реквиеме, но если в музыке такая художественная форма дозволена, то может быть и фильм-реквием.

А.Н.: Конечно, может быть.

Хочу сказать два слова об имеющих где-то ножницах в вопросе содержания и формы. А такие элементы в картине, которые тяжело воспринимаются, все же сейчас есть.

Я думаю, почему те картины Довженко были всегда с каким-то новым, большим зарядом, то-есть, почему такой глубокий пафос в тех фильмах был? Там был революционный пафос, говорят товарищи. Но ведь мы пока в нашем искусстве не отказались от революционного пафоса. Так что здесь надо серьезно об этом подумать.

Ю.ІЛЛЕНКО: А разве мы сбрасываем со счетов революционный пафос?

С.ПАРАДЖАНОВ: А вы помните кинофильм "Старик и море"? Какой же там революционный пафос?

А.Н.: Не думайте, товарищи, что я просто нападаю на эту кинокартину. Большого доброжелателя, пожалуй, нельзя себе даже представить. Но я считаю правильным, если мы будем говорить и о недостатках картины. Нам всегда необходима дружеская, но в то же время жесточайшая критика.

С.ПАРАДЖАНОВ: Вот если бы вы сказали истину, это действительно было бы другое дело.

А.Н.: Если захотите вы, т.т. Ильенко, Драч, конечно, можно будет сказать и о подробностях. Но я хочу сказать о том, что сравнивал свое ощущение от картин А.П.Довженко со своим впечатлением от этой картины, и я подумал, почему же там у меня было ощущение такое, что я видел что-то мажорное, а тут у меня остается впечатление подавленности.

Революционным, стоящим на первом плане у Довженко всегда является молодое. А здесь в картине центральным героем является уходящий. Причем, уходящий и буквально, и идейно. Героем фильма является старый человек, правда, человек хороший, человек великий, но живущий и идущий не впереди, а где-то в нашем "сегодня" или даже во "вчера".

Вот как звучит образ этого главного героя фильма. И такой человек является главным действующим лицом. И в конце концов он ложится в гроб.

С.ПАРАДЖАНОВ: Так что же, вы не видели фильма? Ведь он потом ломает этот гроб.

А.Н.: Но и от этого все же общий баланс всех элементов мало меняется. И поэтому все вместе взятое, вся эта кинокартина на меня производит впечатление реквиема. Реквиема по всему хорошему, по уходящему. Я не считаю, что реквием - это хороший жанр для киноискусства.

А возьмите народную песню. В этом фильме звучит народная песня "Ой горе, горе, в такую годину родиться!" Это воспринимается. Но ведь в течение всего фильма все время слышится опять эта песня такого реквиемного характера. И о каком же времени идет речь? В какую "годину" горе родиться?

Я сказал, что я кланяюсь людям, создавшим новый фильм, и готов что угодно делать, чтобы дальше продолжалась эта новая традиция...

З.МІСЦЯ: Вы кланяетесь, а в то же время выступаете страшно раздраженно и отвергаете все то, что делается в этой кинокартине.

А.Н.: Я получил слово и я прошу, чтобы товарищи меня не перебивали. Это не так просто и Вы не думайте, что это какой-то выживший из ума человек что-то лепечет.

Впечатление создается такое, что этого старика, центральную фигуру кинокартины окружает жизнь страшная, что все его дети ничего не стоят, приехали они потому, что он лежит в гробу. И еще тут же сын говорит о том, что потерял путевку в санаторий. Да существует ли это в жизни? Да, это может существовать, это порой су-

ществует и в жизни. Но нельзя делать такое обобщение.

В.ГОВЯДА: Деякий різнобій вражень говорит про те, що це, безумовно, явище видатного мистецтва і всі ми схвилювані тією новою силою, яка може змінити обличчя Київської студії імені Довженка і показувати це нове будуть уже не лише автори цього фільму, а ми всі гуртом.

Потрібно виробити єдине ставлення до цього кінофільму, який нам треба буде серйозно захищати.

В.ІВАНОВ: Видимо, нам надо спокойно разобраться, потому что появляется, намечается новая волна, как уже здесь говорили товарищи, и надо внимательно посмотреть, что в ней есть хорошего. Но мне только кажется, что многие наши поиски идут не в перспективе, а, наоборот, в ретроспективе. И то, что мы порой называем новым, оригинальным, оно уже, как мне кажется, где-то было.

Надо практиковать такое дело, чтобы участвовал и зритель, ибо чтобы мы ни говорили, вечным будет одно: что мы делаем всю свою работу для народа.

Может быть, я сказал слишком элементарные вещи. Но вот, когда создавались фильмы "Щорс", "Чапаев", "Богдан Хмельницкий", "Член правительства", то не ставился вопрос, для какой категории зрителей создаются фильмы. И вопрос ставился так, что если созданный кинофильм не будет всем понятен, это уже не является заслугой художественного произведения.

Юрий Ильенко, Вы - чрезвычайно талантливый человек. Если правильно направить ваш талант, это было бы, как Везувий. Ваш талант - точно мощный вулкан и Вы можете делать хорошие, полезные дела. Но Вы возьмите, такие опытейшие талантливые актеры, как Симонов и Милютенко. А ведь порой получается так, что актер ходит и выполняет свою задачу, а не создает образа. Ведь если вспомнить все многообразие творчества актера Милютенко, то мы знаем, какое богатство образов было им создано, он мог сыграть так, что действительно возвышал тех, кого выражал в картине, чьи идеи, мысли он выражал своим творчеством. Он умел возвысить передаваемый им образ и как гражданина, и как коммуниста. А вот здесь я не увидел этого.

Я был счастлив тем, что мне тоже пришлось два раза в жизни с ним работать. И вот тут все-таки Вы закрутили аппаратом, задавили ракурсами и порой у вас получается так, что форма взяла верх и над мыслями.

В.ДЕНИСЕНКО: Но ведь тут как раз все снято фронтально.

В.І.: Но разве вообще только в ракурсе дело. А ведь и в самой организации, в компоновке дело.

Ю.ІЛЛЄНКО: Раз вы говорите о ракурсе, то вы, очевидно, не видели этой картины.

В.І.: Нет, картину я смотрел. Но я взял сейчас как раз те стороны произведения, о которых здесь не говорили другие товарищи.

А.ВОЙТЕЦЬКИЙ: Получается не совсем понятная вещь. Ведь главное в том, что необходимо решить вопрос - принимать эту картину, или не принимать ее. Смотрит картину Аркадий Аронович, делает реверансы, говорит, что картина ему нравится, а потом вдруг начинает все, что есть в этой картине, совершенно разбивать.

А.НАРОДИЦЬКИЙ: Я не говорил, что картина вся в целом мне нравится. Я говорил о том, что мне нравятся поиски.

А.В.: Судя по всем выступлениям, картина как будто нравится, есть в ней хорошие вещи. А затем некоторые товарищи вдруг начинают все в картине совершенно отрицать. Да еще к этому приплетаются несколько демагогические вещи: государственности, о том, что после этой картины жить не хочется и т.д.

Здесь у нас присутствуют два поэта: Драч и Павлычко, и если мы начнем таким образом разбирать их стихи, то они, вероятно, просто встанут и уйдут.

Эта картина прежде всего меня лично волнует своей человечностью. Тов.Агранов сказал: я вышел после просмотра этого кинофильма с разбитым сердцем. Так вот, может быть, это как раз и хорошо. Если Агранов - такой спокойный человек, вышел с этой картины с разбитым сердцем, следовательно, картина действительно берет за живое человека.

З.МІСЦЯ: Но во имя чего?

А.В.: Хотя бы во имя той истины, которой Вы не нашли, а Агранов нашел.

Значит, повторяю - картина эта человечная. Тут показана вся история человеческой жизни и человеческая старость. Показана в картине именно трагедия человеческой старости, потому что, действительно, ведь это самая большая трагедия, что мы хорошо видим даже здесь на этом обсуждении.

Я не склонен к тому, чтобы разбирать вопрос о том, как в картине показана жизнь села, потому что для меня главное не в том, в селе это все произошло или в городе, а главное во всей истории челове-

ческой жизни. И мне кажется, что Ильенко сознательно не занимается бытовыми деталями, а делает так, чтобы войти в душу. И уже одно то, что мы все сидим здесь уже несколько часов, обсуждая этот кинофильм, свидетельствует о том, что эта картина нас, безусловно, чем-то глубоко тронула.

Здесь некоторые товарищи говорили, что звуковое оформление ее напоминает звуковое оформление картины "Тени забытых предков". Но это же хорошо, если так. А на мой взгляд, это вообще лучшие работы по своему звуковому оформлению, выпущенные нашей студией.

Поэтому мне хочется сегодня поздравить товарища Ильенко с большим успехом. Я шел и думал, что как оператор больше забьет меня, а тут хороший режиссер, с тонким чувством ритма, с большим, глубоким чувством музыкальности.

Так что эта картина является большим достижением для всего коллектива нашей киностудии.

Тов.СЕРГЕЕВ: Почему человек или человечество, которое создает себе семью, не получает никакой радости от того, что оно живет на белом свете. Почему этот человек несчастен от начала и до конца, и даже несущий яблоню, несущий плоды по своей земле - этот человек все же несчастный страдалец.

В картине сплошные шарады, сплошные загадки. Эта картина не эмоциональная и в таком виде картина не найдет себе зрителя.

Ю.ІЛЛЕНКО: Я прошу, чтобы не выступали от имени народа, потому что никто не должен брать на себя такое право - выступать от имени народа.

ГОЛОВУЮЧИЙ: Товариші, цікава картина, цікаве явище, з яким ми зіткнулись, і нехай люди скажуть своє слово. У мене є записка від тов. Черняк, яка готується стати журналістом. Вона просить надати їй слово.

С.ПАРАДЖАНОВ: Здесь есть наши ветераны, старые работники: редакторы, режисеры. Надо дать им возможность выступить, потому что, например, выступления т.т. Сергеева, Народицкого, Иванова - их просто стыдно было слушать.

А.НАРОДИЦЬКИЙ: Вы считаете дураком каждого, кто не думает по-вашему. Это неправильно. Так нельзя.

С.ПАРАДЖАНОВ: Испугались искусства. Вот единственное, что можно сказать.

Г.ЗЕЛЬДОВИЧ: Мне кажется, что в картине, которую мы сегодня

здесь смотрели (сознательно или бессознательно, это уже другое дело), доминирует образ очень старого человека. Трагедия его заключается именно в старости. Все остальное уже не так важно. Хотя Павлычко говорит, что его великая миссия лежит на поверхности, но ведь это величайшая философия приобщения людей к воде, к роднику. Он причастен к этому колодцу и я понимаю слова символически, что он идет из глубины к сердцу и несет эту воду на поверхность.

Мне кажется, что можно было бы говорить об этой картине как о празднике нашего искусства, о своеобразном празднике. Она уже не похожа на то, что многие из нас - люди старшего поколения - делали. Но на нашей студии, в наших условиях молодые художники получили возможность сделать такую картину. Дирекция студии ее принимает, общественность ее поддерживает и она выйдет на экран. Так разве в этом нет утверждения нашего советского социалистического строя?!

И еще есть одна маленькая справка. Мне кажется, что это нехорошо и как-то двусмысленно, когда единственная реплика на русском языке, которая есть в данной картине - это реплика солдата, которому не хватило воды. По этому поводу может возникнуть много неправильных толкований, так что я бы этого не делал.

Тов.ЧЕРНЯК: Один товарищ говорил о гражданском пафосе. Но я считаю, что гражданский пафос - это не только пафос утверждения, а и пафос отрицания. И в этом кинофильме есть как раз и то и другое, и они сплелись вместе. Здесь ведь не просто судьба только одной семьи, одного старого человека, здесь дано гораздо больше и шире.

Но этот фильм вместе с тем и сатирический. Он отрицает людей, которые забыли не только собственного отца, но которые вообще забыли очень многое. Которых надо заставить оглянуться назад и подумать о том главном, о чем они забыли.

В этом фильме есть и пафос утверждения. Само название "Родник для жаждущих". Ведь ведро везде дано на цепи. Это цепи, которые приковывают людей к родной воде. И нельзя забывать об этом.

Нельзя говорить о нем, как о фильме, рассказывающем о судьбе только одного человека. Нет, тут дано обобщенно, только в особой, в символической форме. Мне кажется, не случайно то, что это по-

чти немой фильм. В нем почти нет слов. И не случайны в картине такие обобщения, символические образы.

Кроме того, нельзя сказать, что фильм антигуманистический. Он, наоборот, глубоко гуманистический. В этом фильме показана любовь к человеку.

ГОЛОВУЮЧИЙ: Товариші, я вважаю цілком закономірним те, що сьогодні виникали дискусії, висловлювались протилежні точки зору.

Але є питання, які спільні для всіх нас. Я не взяв би на себе сміливість сказати, що джерело цього фільму іде від розмови про антироман, антигероя, антигуманізм. Мабуть, це не так.

Взагалі, щоб заперечити це - треба лише згадати навіть один кадр. Дитина, яка припала до грудей матері, яка дана фотографічно. І криниця, яка дана натурально. Я в цьому вже бачу гуманізм. А далі: стоїть батько біля криниці і з усіх боків, через горби, крізь пустир ідуть до нього його діти.

Мені здається, що кожний має оцінити цю символіку, цей образ, бо саме звідси й починається фільм. А далі думка про те, що життя існує там, де є джерело. І ви бачите, хто стоїть біля цього джерела. Тут уже мова про народ. Народ можна уособлювати в Левкові, чи ще в комусь, і це, по-моєму, дуже ясно в фільмі прочитується. Пили люди, які проходили, пили коні з цієї криниці, і всім це джерело було потрібне. І якби не було цього джерела, може, не йшли б так бадьоро солдати і т.д. І я розумію філософію цього фільму, його головну думку. Отже, була висловлена одна пропозиція: фільм "Криниця для спраглих" - на двох плівках прийняти. Чи є інші пропозиції? (Немає).

Значить, ця пропозиція приймається.

Публікація Івана Драча.

Від редакції. Фільм "Криниця для спраглих" було заборонено постановою ЦК КП України. У Постанові №3 Державного Комітету України з кінематографії від 10.03.1967 року в розділі про недоліки в роботі є фраза: "Так, недосвідченість режисера Ю.Ілленка призвела до того, що у фільмі "Криниця для спраглих" було допущено ідейні збочення, внаслідок чого фільм не було випущено на екран, а витрати в сумі 268,0 тис. крб. списані на збитки".

Вперше фільм було показано глядачам 1988 року.

Стенограма друкується в скороченому вигляді мовою оригіналу.